

Л. ПАРАККИНИ

ВОПРОС О ТЮРЕМНОМ ЗАКЛЮЧЕНИИ В ЖУРНАЛЕ «ВРЕМЯ»: ДОСТОЕВСКИЙ И КАЗАНОВА

За несколько лет до реформы 1864 года в России пробудился огромный интерес к вопросам юриспруденции. Неправые суды, отсутствие гласности, полицейский произвол и сословный принцип в определении наказаний должны были быть отменены. Тогда не только юристы, но и люди самых разных профессий принимали участие в полемике о необходимости перестроить русскую судебную систему и довести ее до уровня европейских стран, конечно, не забывая об особенностях русской культуры.

Обращение к специальному справочному изданию показывает, что с конца 1850-х до середины 1860-х годов появилось несколько журналов («Юридический вестник», «Журнал Министерства юстиции», «Юридический журнал»), которые занимались именно юридическими вопросами и постоянно информировали читателей о развитии и изменении законов в России.¹ Задача этих изданий — распространить юридические знания и формировать юридическое сознание в обществе, особенно с «технической»² точки зрения, печатать статьи кодекса, анализируя их и популяризируя изменения во всей судебной сфере. Надо отметить, что такие проблемы привлекали внимание также журналов литературного и социального направления («Современник», «Русский вестник», «Отечественные записки»), которые начали публиковать статьи подобного содержания. Таким образом, в обществе стали широко обсуждаться различные аспекты юриспруденции: уголовные и гражданские законы, уголовное и гражданское судопроизводство, проблемы, связанные с наложением наказания и с философией права. Средства анализа этих тем были разными: печать представляла отчеты о судебных делах (русских и ино-

¹ См.: Библиография русской периодической печати 1703—1900 гг.: (Материалы для истории русской журналистики) / Сост. Н. М. Лисовский. Пг., 1915.

² Под «техническими» мы понимаем вопросы, связанные с трактовкой отдельных положений законодательства, обсуждением новых проектов, структуры и порядка судебного делопроизводства, с фактологическим освещением судебных процессов в разных странах.

странных), обращала внимание на проекты новых законов и полемизировала с существующей системой.

Уже в 1861 году, сразу после своего основания, журнал «Время» также начал заниматься юридическими вопросами и активно включился в обсуждение актуальной проблемы: как изменить всю систему судоустройства и судопроизводства. Пропагандируя знание законов и поддерживая развитие современной юридической мысли в обществе, этот журнал также играл важную роль в подготовке реформы 1864 года. Редакция постоянно освещала юридическую ситуацию в России и таким образом пыталась возбудить интерес читателей к правовым вопросам. Интересно, что основными темами, привлекавшими внимание журнала, стали вопросы уголовной практики, тесно связанные с проблемой наказания. Кроме того, надо отметить, что в отличие от других журналов во «Времени» печатались не только «технические» статьи, но и литературные произведения, в которых говорилось о влиянии законов и судопроизводства на человека и его жизнь.

Первоначальный интерес редакции к законодательной и судебной сфере проявился не как единичный случай. Наоборот, внимательный анализ всех номеров «Времени», с 1861 по 1863 год, показывает устойчивое внимание журнала к рассмотрению юридических проблем в течение всех трех лет издания.

Одной из тем, которая особенно интересовала редакцию «Времени», являлась проблема тюремного заключения. Есть основание предполагать, что публикации такого характера были не случайными. Можно думать, что целью журнала было подтверждение идей «Записок из мертвого дома» и пропаганда философских и социально-политических взглядов Достоевского, касающихся наиболее злободневных вопросов юриспруденции того времени. Писателю было интересно пробудить в обществе интерес к юридическим и этическим вопросам, а лучшим средством информации и воспитания не только интеллигенции, но и широких масс читающего населения была печать.

Известно, что «Введение» и первая глава «Записок из Мертвого дома» были опубликованы в журнале «Русский мир» в сентябре 1860 года, а продолжение публикации было перенесено в журнал братьев Достоевских (с № 4 за 1861 год). Комментаторы академического Полного собрания сочинений Достоевского так интерпретируют этот факт: «В связи с разрешением на издание своего журнала „Время“ Достоевский перенес „Записки“ в [свой] журнал» (4, 227). Однако при ближайшем рассмотрении нам представляется, что открывается более сложная и интересная картина. Дело в том, что, когда писатель отдавал первые главы «Записок» для публикации в «Русский мир», он уже знал о полученном его братом разрешении издавать журнал «Время».

Приведем важнейшие даты:³

18 июня 1860 года М. М. Достоевский подал прошение на издание журнала «Время»;⁴

3 июля 1860 года разрешение на издание получено;⁵

23 августа 1860 года Достоевский получил аванс 700 р. от редактора «Русского мира» и заключил с ним договор на публикацию «Записок из Мертвого дома». (Расписка А.С. Гиероглифову — 30₂, 28).

Из приведенного следует, что писатель отдал «Записки» редактору «Русского мира» тогда, когда уже полтора месяца тому назад его брат получил разрешение на издание своего журнала. Возникает вопрос: неужели Достоевский не понимал, что самое выигрышное для редакции «Времени» — начать издание таким сильным дебютом, как публикация «Записок из Мертвого дома»? Конечно же, понимал! Писатель был убежден, что его произведение будет иметь большой успех. Год назад, когда планы братьев Достоевских издавать свой журнал были еще очень неопределенными и писатель планировал отдать «Записки из Мертвого дома» для публикации в журнал «Современник», он писал брату из Твери: «Что же касается до „Мертвого дома“, то ведь у них не бараньи головы. *Ведь они понимают, какое любопытство может возбудить такая статья в первых (январских) номерах журнала.* Если дадут 200 р. с листа, то напечатаю в журнале. А нет, так и не надо. Не думай, милый Миша, что я задрал нос или чванюсь с моим „Мертвым домом“, что прошу 200 р. Совсем нет; но я очень хорошо понимаю любопытство и значение статьи и своего терять не хочу» (28₁, 353; курсив мой. — Л. П.). Но как же в таком случае можно объяснить решение писателя напечатать свои воспоминания о каторге в чужом издании? Трудно ответить на такой вопрос однозначно, но можно предположить несколько причин.

Во-первых, очевидно, что в данный момент (до начала издания собственного журнала) ему был материально выгоден контракт с «Русским миром».⁶ Во-вторых, также очевидно, что автор хотел укрепить свою литературную репутацию в период, когда уже была объявлена подписка на журнал «Время» (не будем забывать, что сочинения, опубликованные после каторги, т. е. «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково», не имели большого успеха у читателей и критики).

³ Удивительно, что два из трех приводимых ниже фактов (под датами 3 июля и 22 августа 1860 года) не зарегистрированы в капитальной «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского» (см.: СПб., 1993. Т. 1. С. 294—295).

⁴ См.: Там же.

⁵ См.: Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время» (1861—1863). М., 1992. С. 39.

⁶ Повторим: за право публикации первых глав «Записок» А.С. Гиероглифов выплатил Достоевскому аванс в 700 р.

Но самое главное, можно предположить, что, отдавая летом 1860 года «Записки из Мертвого дома» в чужое издание, Достоевский сделал серьезный тактический маневр. Публикация первых глав на страницах «Русского мира» была своеобразным «пробным шагом», цель которого — проверить реакцию цензуры на произведение еще совсем недавно запретной темы. Реакция эта представлялась на тот момент совершенно непредсказуемой. И с первых же номеров ставить под удар свой журнал, если цензура запретит или обескровит именно это произведение, братья Достоевские не хотели. Существует малоизвестное письмо редактора «Русского мира» А. С. Гиероглифова к О. Ф. Миллеру, написанное в 1882 году, когда Миллер собирал «Материалы для биографии Ф.М. Достоевского», которое доказывает основательность этого тезиса. Гиероглифов свидетельствует, как Достоевский летом 1861 года действительно боялся, что публикация «Записок из Мертвого дома» могла вызвать серьезные цензурные затруднения. В письме читаем: «После нескольких бесед, особенно когда он воспроизвел в своем рассказе колоссальный характер Орлова и сильную яркую картину театральных представлений по ночам в каторжном остроге, я начал просить Федора Михайловича, чтобы он писал все эти рассказы, в какой он хочет форме, обязываясь их издать. Федор Михайлович был прямо убежден, что цензура их не пропустит (курсив мой. — Л. П.), и потому писать не хотел; но когда я попросил, чтобы Федор Михайлович уступил мне эти рассказы в рукописи на тех же условиях, на которых приобретаются произведения писателей издателями, — с тем, что будут ли напечатаны или не будут „Записки из Мертвого дома” — они делаются моими и я приобретаю их на свой риск, — Федор Михайлович решил сделать пробу и в одну ночь написал половину первой главы; утром я застал его за переписыванием чернового оригинала и, получив рукопись, велел набрать и представил в цензуру. Цензурный комитет не решился пропустить сам, хотя в „Записках” не было ничего нецензурного, а представил в главное управление цензуры, которое и разрешило».⁷ Не все в этих воспоминаниях (написанных спустя более чем 20 лет после событий) достоверно. Так, работу над «Записками» Достоевский начал, конечно, не по настоянию А. С. Гиероглифова, а значительно раньше, возможно еще в Сибири. Но то, что писатель летом 1860 года серьезно опасался цензурного запрета на свое произведение, эпистолярное свидетельство бывшего редактора «Русского мира» подтверждает вполне определенно.

И опасения Достоевского не были безосновательными. После печатания 1 сентября 1860 года в № 67 «Русского мира» «Введения» и главы I «Записок» дальнейшая публикация была приостановлена

⁷ Цит. по: Могиланский А. П. К истории первой публикации «Записок из Мертвого дома» // Русская литература. 1969. № 3. С. 180.

цензурой. После длительного рассмотрения вопроса в Главном цензурном управлении (петербургская цензура не рискнула принимать самостоятельного решения) разрешение на публикацию последующих глав было дано лишь 12 ноября 1860 года (т. е. спустя полтора месяца), с тем чтобы из текста были исключены «места, противные по неблагопристойности выражений своих правилам Цензуры» (4, 276).

Итак, тактический ход Достоевского с предварительной публикацией первых глав «Записок из Мертвого дома» в чужом издании оказался оправданным. Ставить книгу о русской каторге в первые номера «Времени» было действительно небезопасно. Тем не менее произведение близкой к «Запискам из Мертвого дома» тематики было опубликовано уже в первом номере «Времени» за 1861 год (январь). Это был русский перевод главы «Заключение и чудесное бегство Жака Казановы из венецианских темниц — пломб» из мемуаров Казановы.⁸ Это тоже были записки бывшего арестанта. Внимательный анализ их обнаруживает существование интересных связей между этим сочинением и некоторыми аспектами жизни и творчества Достоевского. Действительно, оба автора описывают личный опыт тюремного заключения, обращают особое внимание на зверские нарушения элементарных прав человека в тюрьме и подчеркивают, что разложившаяся система наказаний унижает достоинство человека. Этот фрагмент из Казановы мог напоминать читателю «Записки из Мертвого дома», «Введение» и глава I которых были уже опубликованы в «Русском мире». Вероятно, когда Достоевский решил напечатать главу из воспоминаний Казановы именно в первом номере «Времени», у него была определенная цель. Он хотел так или иначе поставить в своем журнале вопрос об условиях тюремного заключения и подготовить необходимую почву для того, чтобы подробнее обсуждать эту проблему в дальнейшем.

Когда Достоевский начал думать о такой возможности, неизвестно, очевидно, еще до 1 декабря 1860 года, потому что как раз этой датой помечено цензурное разрешение на выпуск первого номера журнала. Глава о бегстве Казановы предлагала интересные материалы о тюрьмах, и, кроме того, ее содержание не было таким опасным, как содержание «Записок из Мертвого дома». Достоевский полагал, что такая публикация была гораздо менее рискованной, потому что даже если описанные события могли вызывать сильный общественный резонанс, они не касались России (в книге Казановы речь идет о тюремном заключении в Италии XVIII в.). Поэтому вряд ли цензура запретила бы это сочинение.

Отметим, что в начале января 1861 года, параллельно с публикацией главы из мемуаров Казановы в № 1 журнала «Время», «Русский мир», преодолев цензуру, начал печатать продолжение «Записок из

⁸ Время. 1861. № 1. [Отд. I]. С. 93—184.

Мертвого дома».⁹ 5 февраля 1861 года в «Санкт-Петербургских ведомостях» было помещено объявление о продолжении публикации «Записок» Достоевского в «Русском мире», но уже 14 февраля та же газета сообщила, что последующие главы этого произведения будут напечатаны только во «Времени». Так и было. С апреля 1861 года продолжение «Записок из Мертвого дома» публиковалось только в журнале братьев Достоевских. Таким образом, шаг за шагом, стала ясна цель редакции: она хотела показать полную картину всех сторон жизни тюрьмы, а мемуары Казановы сыграли важную предваряющую роль. Надо отметить, что, хотя это произведение давало важную и интересную информацию для исторического и социального анализа тюремного заключения, невозможно полностью сравнить его с воспоминаниями автора «Записок из Мертвого дома», особенно с художественной точки зрения. В первую очередь Достоевский обращает внимание на внутренний мир человека. На основании рассмотрения различных аспектов тюремной жизни он, как мастер психологического анализа, показывает, что нельзя отвечать «злом на зло», протестует против системы насилия, которая никогда не исправляет преступника. На этом основании мы считаем, что структура и содержание его художественных воспоминаний отличаются от мемуаров Казановы. Несмотря на это, существуют моменты, которые, как нам кажется, могут объединить этих двух авторов.

Первый вопрос, который важно поставить для подробного изучения этой проблемы, касается перевода текста Казановы. Учитывая, что первое отдельное издание этой книги вышло на русском языке только в 1887 году, т. е. после смерти Достоевского, можно считать, что глава о заключении и бегстве Казановы была переведена и опубликована первый раз в России именно в журнале «Время». Кроме того, интересно установить, кто переводил, с какого языка и был ли это аутентичный перевод оригинала. Конечно, очень трудно ответить на эти вопросы уверенно, но существуют данные, на основании которых можно выдвинуть несколько предположений. Например, можно предположить, что переводчиком был кто-то из сотрудников редакции журнала. Однако нужно учитывать следующее обстоятельство. Номер журнала «Время», в котором опубликованы воспоминания Казановы, получил цензурное разрешение 1 декабря 1860 года и вышел 8 января 1861 года, т. е. сразу после основания журнала, когда редакционный круг еще не вполне сформировался. Поэтому можно высказать осторожное предположение, что переводил этот текст один из братьев Достоевских или по крайней мере один из них заказал перевод. Кроме того, надо отметить, что, как правило, в редакционных книгах «Времени» для всех иностранных произведений име-

⁹ В № 1, 3, 7 от 4, 11 и 25 января 1861 года были перепечатаны «Введение» и глава I и впервые напечатаны главы II—IV (см.: 4, 277).

ются данные об имени переводчика, а по поводу воспоминаний Казановы нет никаких указаний.¹⁰ Можно утверждать, что Достоевский знал эту книгу до публикации фрагмента из нее в журнале «Время», потому что ссылку на мемуары Казановы мы находим в повести «Дядюшкин сон» (см.: 2, 368). Хотя речь идет лишь об упоминании воспоминаний Казановы, оно доказывает знакомство писателя с этим произведением. К тому же Достоевский владел, и даже лучше своего брата, французским языком, на котором существовал перевод книги. Только на этом основании нельзя, конечно, утверждать, что именно Достоевский перевел главу мемуаров Казановы, но такую гипотезу выдвинуть можно.

При этом необходим анализ истории переводов записок Казановы на различные языки. Тогда можно будет определить издание, с которого был осуществлен перевод на русский язык. В 1822 году немецкий издатель Ф. А. Брокгауз купил рукопись у наследников Казановы и опубликовал в лейпцигском альманахе «Уrania» несколько фрагментов, переведенных на немецкий язык.¹¹ В течение 1822—1828 годов вышел также сокращенный перевод на немецкий язык, который имел успех. После смерти Фридриха Брокгауза (1823), Генрих Брокгауз решил опубликовать французский текст и обратился за помощью к Жану Лафаргу, преподавателю французской литературы Дрезденского университета, чтобы тот исправил грамматические ошибки оригинала. Лафарг существенно переработал оригинал, приведя текст, как того потребовал издатель, в соответствие «со вкусом нынешнего века»: сделал рукопись удобочитаемой, но менее энергичной и яркой, выбросил также грубые слова, убрал гомосексуальные и некоторые иные эпизоды, а с другой стороны, расширил и дописал эротические сцены, а также дополнил повествование отвлеченными рассуждениями. В таком виде текст Казановы—Лафарга вышел в свет в 1827—1838 годах (в Лейпциге, Париже и Брюсселе). Именно этот текст и перепечатывался на протяжении всего XIX в.¹²

¹⁰ См. воспроизведение первой страницы редакционного журнала «Время» с расписками за получение гонорара всех авторов (включая переводчиков), публиковавшихся в № 1 за 1861 год, в изд.: *Нечаева В. С.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских... С. 44. Расписка переводчика мемуаров Казановы здесь отсутствует. Этот факт приобретает дополнительную значимость, если учесть, что расчеты за литературную работу во «Времени» Ф. М. Достоевского в этом редакционном журнале не отмечались. На этот случай, видимо, у братьев существовали другие документы.

¹¹ Данные об истории изданий мемуаров Казановы заимствованы нами из послесловия А. Ф. Строева в изд.: *Казанова.* История моей жизни. М., 1991. С. 666—670.

¹² Подлинный текст по авторской рукописи «История моей жизни» был впервые опубликован лишь в 1960—1962 годах (*Casanova de Seingalt Jacques, Vénitien.* Histoire de ma vie. Wiesbaden: F. A. Brockhaus; Paris: Plon, 1960 — 1962. Т. 1—12).

Таким образом, и немецкие, и французские издания мемуаров Казановы, пусть и в разной степени, имели сокращения в части эпизодов эротической, юридической и религиозной проблематики. Поэтому было бы затруднительно сказать определенно, какое из них было положено в основу публикации в журнале «Время». Косвенным доказательством того, что перевод был, скорее всего, осуществлен с французского, служит французская интерпретация имени Казановы — Жак, на что указывает комментарий к Полному собранию сочинений Достоевского (19, 280). Важно отметить, что в журнале также была опубликована написанная Достоевским редакционная заметка, в которой объяснялось, почему перевод был таким образом сокращен. Там читаем: «Книга Жака Казановы „Memoires de Jacques Casanova de Seingalt” совершенно неизвестна на русском языке {...} Об его книге мало сказать несколько слов. Большой же о ней статьи в настоящее время в нашем журнале поместить не можем. Но чтобы познакомить читателей с этой замечательной книгой, мы выбираем из нее один только эпизод: Заключение и чудесное бегство Жака Казановы из венецианских темниц {...} Правда, этот рассказ, представленный в виде отрывка, много теряет в силе и занимательности. Перевести же всю книгу невозможно. Она известна некоторыми эксцентричностями, откровенное изложение которых справедливо осуждается принятой в наше время нравственностью. Один только эпизод во всей книге не заключает в себе этих эксцентричностей. Его-то мы и представляем теперь нашим читателям» (19, 86—87).

Редакция объяснила решение опубликовать именно эту главу тем, что в ней не было «аморальных» элементов. Можно думать, что такое объяснение было опять же только тактическим маневром. Журнал интересовал именно этот фрагмент, так как он был пригодным для обсуждения проблематики тюремного заключения. Редакция «Времени» не хотела, чтобы публикация была запрещена, и таким образом намеренно подчеркивала, что здесь нет ничего противного морали, для того чтобы обойти цензуру.

Действительно, в журнале Достоевских появился сокращенный перевод, где были пропущены фрагменты, связанные с религией, с философией и судом. Хотя цель этой работы не состоит в сравнительном анализе переводов книги Казановы, представляется важным показать несколько примеров таких пропусков. Уже в начале главы, обращая внимание на две книги, разрешенные для чтения в тюрьме, Казанова критикует безумную философию и религиозный фанатизм их содержания, из-за которого человек может сойти с ума. В журнале «Время» эта критическая реплика не была опубликована. Переводчик подчеркивал только, что Казанова не стал читать первую из этих книг и считал, что вторая могла оказать отрицательное влияние на его разум. Анализируя полный вариант перевода, найдем совсем другую точку зрения: автор говорит, что первая книга была отврати-

тельна, и называет «лицемером» иезуита, который писал ее. По поводу второй книги, «Град Мистический Сестры Марии де Хесус по прозванию из Аргеды», читаем: «...это больше задержало мое внимание... Читателю, чей разум более восприимчив и привержен чудесному, нежели у меня, грозит опасность, читая ее, сделаться таким же визионером и графоманом, как сия девственница. Книга этой испанки — верное средство свести человека с ума».¹³ Автор считает монашку, которая писала «мистический град», фанатичкой и суевренным человеком, сформировавшимся под влиянием ее духовного отца, невежды и ханжи.

Кроме того, Казанова, как часто делает и Достоевский, рассуждает с эмпирической точки зрения о человеке, а именно о рассудке человека. «Я понял: хотя и редко случается человеку сойти с ума, однако ж это и вправду очень легко. Разум наш подобен пороху — воспламенить его не составляет труда, но вспыхивает он, тем не менее, лишь когда к нему поднесут огня; или стакану — он разбивается тогда лишь, когда его разобьют».¹⁴ Конечно, в своем произведении Казанова рассуждает о личности, душе и психологии человека не так часто, как Достоевский, однако такие фрагменты существуют.

Важно отметить, что в журнале были опущены вопросы, связанные не только с религией или философией, но и с другими темами. Например, во «Времени» совсем не появился фрагмент, направленный против суда, который присутствует в оригинале. Казанова пишет: «Когда наш трибунал затевает процесс против преступника, он заранее уверен, что тот преступник: для чего ж тогда и разговаривать с ним? Когда ж трибунал уже вынес приговор, то для чего он станет сообщать преступнику дурные новости?».¹⁵ Это критика судопроизводства, отличающегося отсутствием уважения к достоинству человека, который может быть наказан, даже если он не виновен.

Безусловно, журнал «Время» сыграл важную роль, познакомив большинство русских читателей с мемуарами, уже достаточно известными в Европе, и, таким образом, поставил вопрос об организации и управлении тюрем, привлек внимание общественности к этой теме и особенно подготовил почву, для того чтобы лучше обсудить проблематику «Записок из Мертвого дома» Достоевского. Можно предположить, что писатель обратил особое внимание на произведение Казановы не только потому, что там вообще обсуждалась проблема заключения, но и потому, что многое в нем сильно напоминало русскому писателю некоторые моменты его личного опыта. Вероятно, например, что критика Казановой суда напомнила Достоевскому собственный процесс по делу петрашевцев. В показаниях на

¹³ Казанова Ж. История моей жизни. С. 251.

¹⁴ Там же. С. 252.

¹⁵ Там же. С. 256.

следствии Достоевский пишет: «...я скажу несколько слов о том, в чем меня обвиняют. В сущности, я еще не знаю доселе, в чем обвиняют меня. Мне объяснили только, что я брал участие в общих разговорах у Петрашевского, говорил вольнодумно и что, наконец, прочел вслух литературную статью...» (18, 21—22).

Записи Достоевского в альбоме О. А. Милюковой 24 мая 1860 года об обстоятельствах его ареста по делу петрашевцев похожи на факты, описанные в книге Казановы. В альбоме читаем: «Двадцать второго, или, лучше сказать, двадцать третьего апреля (1849 года) я воротился домой часу в четвертом от Григорьева, лег спать и тотчас же заснул. Не более как через час я, сквозь сон, заметил, что в мою комнату вошли какие-то подозрительные и необыкновенные люди (...) Что за странность? С усилием открываю глаза и слышу мягкий, симпатический голос — Вставайте! — Смотрю: квартальный или частный пристав, с красивыми бакенбардами. Но говорил не он; говорил господин, одетый в голубое (...) с эполетами. Пока я одевался, они потребовали все книги и стали рыться, не много нашли, но все перерыли. Бумаги и письма мои аккуратно связали веревочкой» (18, 174). Через семь месяцев после этой записи в альбоме в журнале «Время» были опубликованы мемуары Казановы, где он описывает свой арест: «Я возвратился домой без всякого страха и, простившись со своей хозяйкой и ее дочерью, лег спать. Это было в ночь на 25 июля 1755 года. Чуть рассвело, ужасный мессер-Гранде стал уже у моей постели. Проснуться, увидеть его, услышать обычный вопрос — я ли Жак Казанова? — было делом одной минуты. На ответ мой, что я и есть самый Казанова, он велел мне встать, одеться, передать ему всю мою переписку и идти с ним (...). Бюро мое было отперто; бумаги лежали возле на столе. — Берите, сказал я вестнику ужасного трибунала, показывая на бумаги (...). Наполнив ими целый мешок, он отдал его сбиру¹⁶ и сказал мне, чтобы я вручил ему и переплетенные манускрипты, которые должны были у меня находиться».¹⁷ Отметим, что оба описания имеют одинаковую структуру и много сходных элементов. Во-первых, оба автора дают конкретную информацию о времени ареста. Во-вторых, схожа процедура ареста. И Достоевский, и Казанова обнаруживают полицию у себя в комнате ночью, оба получают приказ встать, одеться и, что особенно важно, передать книги, манускрипты и письма представителям власти. Несомненно, книга Казановы заинтересовала Достоевского, поэтому не исключено, что он выступил и как ее переводчик.

Цель «Времени» была ясной: способствовать развитию мнения, которое противостояло бы старой системе и одновременно было бы готово дать ответ на любую критику «Записок» Достоевского. Поче-

¹⁶ Сленговое название полицейского.

¹⁷ Время. 1861. № 1. С. 95.

му можно сказать, что эти мемуары так близки друг другу? Какие связи существуют между ними? Самые главные темы, характерные для этих воспоминаний, — это отсутствие свободы как первого элемента жизни, ужас заключения, которое никогда, однако, не исправляет преступника, и критика обезличивания человека, физических и психических унижений, применяемых карательной системой.

Сразу с первых страниц своих воспоминаний Казанова привлекает внимание читателя к таким деталям тюремной жизни, как камеры, засовы, решетки, запертые двери, которые символизируют отсутствие свободы. Он описывает свою камеру: маленькая, грязная, без кровати, без стола и стула. Все это заставляет страдать человека, который теряет самообладание: «Мне казалось, что должны же были они принести мне — ну хоть стул, да хлеба с водой {...}. В жизнь свою я еще не ощущал такой горечи и сухости во рту. Мне казалось, однако, что к вечеру непременно кто-нибудь да явится; но когда я услышал, что часы били двадцать четвертый час, мною овладело бешенство, я стал толкаться в дверь, топтать ногами, ругаться и кричать, что было во мне мочи. Более часу провел я в этих шумных упражнениях, не видя никого, не имея даже надежды на то, чтобы кто-нибудь мог слышать мои крики».¹⁸ Воспоминания Казановы также говорят об ужасном гигиеническом состоянии камеры: «...я боюсь, что многие из моих читателей не поймут той пытки, о которой я скажу сейчас: это тысячи блох, которые так и скакали по моему телу. Они сосали мне кровь с какою-то жадностью, с невыразимым остервенением: их непрерывные наколы возбуждали во мне конвульсии, спазматические судороги, отравляли всю кровь во мне».¹⁹ Ад тюремного заключения Казановы проецируется на ад «Мертвого дома».

Читая «Записки из Мертвого дома», мы видим связь с воспоминаниями Казановы. Достоевский описывает кризис карательной системы, убожество и мрак тюрем, ухудшение физического состояния арестантов, клеймение и содержание узников в кандалах и принуждение к изнурительным работам. Автор показывает, как в тюрьме человек становится жертвой системы, уничтожающей его. В «Записках из Мертвого дома» мир жизни противопоставлен миру смерти. Эта мысль присутствует также в произведении Казановы, который пишет: «Я испытал, что человек, запертый в одиночестве, не может ничем заниматься; что такой человек, посаженный в темное место, где он видит только раз в день того, кто приносит ему пищу, где он не может ходить иначе, как согнувшись, — есть самое несчастнейшее существо. Он готов идти в ад, лишь бы найти там общество. И так сильно это чувство, что я чуть было не пожелал иметь товарищем разбойника, прокаженного, медведя. Уединение под замком ужасно; но чтобы по-

¹⁸ Там же. С. 98.

¹⁹ Там же. С. 102.

верить этому, надо, может быть, убедиться на опыте, а этого опыта я не пожелаю и врагу своему».²⁰ В отличие от Казановы Достоевский подчеркивает не тоску одиночного заключения, а ощущение тяжести, оттого что в течение всех лет на каторге он ни разу не был один. «На работе всегда под конвоем, дома с двумястами товарищей и ни разу, ни разу — один!» (4, 11). Таким образом, при любой системе заключения человек всегда оказывается страдающим и униженным.

Казанова описывает отсутствие свободы как причину, которая может довести человека до сумасшествия: «В моем положении свободу считают за все, жизнь — за такие пустяки, о которых и говорить не стоит; в сущности же я начинал сходить с ума».²¹ Эти слова производят сильное впечатление на внимательного читателя, которому этот вопрос будет снова задан в следующем томе журнала в замечании Достоевского: «С самого первого дня моей жизни в остроге я уже начал мечтать о свободе. Расчет, когда кончатся мои острожные годы, в тысяче разных видах и применениях, сделался моим любимым занятием. Я даже и думать ни о чем не мог иначе и уверен, что так поступает всякий, лишенный на срок свободы» (4, 79).

Для Казановы тюрьма — это место, где существуют особые законы и действует особый порядок. Там честность исчезает, а разум уступает место болезненной фантазии, которая ведет к отчаянию. «Я увидел себя в таком месте, где ложь казалась истиной, а истина ложью; где здравый смысл должен терять половину своей силы, а истощенная фантазия обрекала рассудок в жертву бесплодной надежды или ужасного отчаяния».²² Можно найти такие же мысли и в «Записках из Мертвого дома»: «Тут был свой особый мир, ни на что более не похожий, тут были свои особые законы, свои костюмы, свои нравы и обычаи, и заживо мертвый дом, жизнь — как нигде, и люди особенные» (4, 9).

Хотя с художественной точки зрения нельзя сравнивать «Записки из Мертвого дома» и мемуары Казановы, они не так далеки друг от друга, так как авторы ставят общие задачи и обсуждают общие проблемы. Эти произведения были написаны в разные эпохи, в разных странах, авторами с различным образом жизни, но, как уже говорилось, Достоевский не случайно выбрал для опубликования мемуары Казановы, предваряя ими продолжение публикации своих «Записок из Мертвого дома». К сожалению, нельзя точно сказать, насколько глубоко мысли Казановы повлияли на осмысление Достоевским проблем системы тюремного заключения в России, но аналогии очевидны. Оба автора отметили глубокое несовершенство современной им тюремной практики и жестокость системы подавления личности.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 107.

²² Там же. С. 99, 100.